

Мирослава Меленская

Тортик для строгого босса

«Литнет»

2026

Меленская М.

Тортик для строгого босса / М. Меленская — «Литнет», 2026

Что делать, если твой новый босс — ходячий грех в дорогом костюме, а ты — пышка-дизайнер, пахнущая корицей и комплексом неполноценности? ПРАВИЛО №1: никогда, слышишь, НИКОГДА не ешь торт для VIP-клиента в офисе после полуночи! ПРАВИЛО №2: особенно если твой властный, ослепительно красивый начальник может застать тебя за этим. С ложкой в руке и блаженством на лице. ПРАВИЛО №3: если это всё-таки случилось, а он вместо увольнения тоже хочет угоститься и смотрит на тебя, как на самый желанный десерт в своей жизни, — беги! ПРОБЛЕМА: бежать некуда. Потому что Арсений Громов привык получать всё, что захочет. А он захотел меня! Да-да, вы не ослышались! Вас ждут:♥# героиня с комплексами, которая прячется за сарказмом и острым языком строгий босс, сходящий с ума от её аппетитных пышных форм и «сладкого» таланта♥# дерзкие перепалки, искры и опасная химия медленное, горячее сближение♥# тортики, которые тают... как и выдержка босса Отдельная благодарность за потрясающую обложку Арине Фенно ♥# Книга участвует в литмобе "Пышка на десерт"

© Меленская М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	6
Визуалы героев.	9
Глава 2.	10
Глава 3.	13
Глава 4.	16
Глава 5.	18
Ночной дозор Алисы и Пухлика	20
Глава 6.	21
Глава 7.1.	24
Глава 7.2.	26
Глава 8.	28
Глава 9.1.	31
Глава 9.2.	33
Глава 10.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог.

Что делать, если твой новый босс — ходячий грех в дорогом костюме, а ты — пышка-дизайнер, пахнущая корицей и комплексом неполноценности?

ПРАВИЛО №1: никогда, слышишь, НИКОГДА не ешь торт для VIP-клиента в офисе после полуночи!

ПРАВИЛО №2: особенно если твой властный, ослепительно красивый начальник может застать тебя за этим. С ложкой в руке и блаженством на лице.

ПРАВИЛО №3: если это всё-таки случилось, а он вместо увольнения тоже хочет угоститься и смотрит на тебя, как на самый желанный десерт в своей жизни, — беги!

ПРОБЛЕМА: бежать некуда. Потому что Арсений Громов привык получать всё, что захочет. А он захотел меня! Да-да, вы не ослышались!

Я отбиваюсь сарказмом и слоями отстойной одежды. Он ломает мою оборону невероятными заказами и взглядом, от которого тают даже сердца из марципана. Он говорит, что мои формы — его идеал. Но я понимаю это: я просто необычный вкус для пресыщенного человека. Сладкая, жутко калорийная, временная шалость.

Но что будет, когда шалость закончится, а я уже не смогу жить без его «заказов» на сладкое?

Роман о том, как завоевать пышку, которая не верит, что её можно любить целиком. И о том, как доказать боссу, что ты — не десерт на один раз, а главное блюдо на всю жизнь.

Глава 1.

АЛИСА

Правило хорошего тона для пышки в открытом пространстве: не привлекать лишнего внимания. Носить чёрное. Сидеть с краю. Смеяться тише всех. И ни в коем случае — слышишь, ни в коем случае — не пахнуть едой. Табу!

Я, Алиса Смирнова, только что нарушила все четыре пункта, стоило мне переступить порог лифта в «Громов Групп». На мне был не чёрный, а жёлтый свитер цвета взрывного солнца (подруга Марго сказала, что это «поднимет настроение», черт бы её подирал). Я влетела в кабину, запыхавшись, прямо перед носом у пары длинноногих нимф из отдела маркетинга. И пахла я отнюдь не дистиллированной водой и Гуччи.

От меня волнами расходился запах свежее испеченного бисквита, ванили и едва уловимой нотки... карамелизированного персика. Это был не парфюм. Это был аромат-приговор. Пятно муки на бедре джинс довершало картину идеальной «серой мыши», случайно завалившейся на съёмки глянца.

— Ох, Алиса, опять ночные подвиги на кухне? — сладко прошипела одна из нимф, Лера, брезгливо сморщив носик. Её взгляд скользнул по моему свитеру, как по дешёвому товару на распродаже.

— Контроль качества, — брякнула я, уткнувшись в телефон. Мой щит — сарказм. Моя броня — показное безразличие. — Клиенту нужен торт «Страсть Шоколадная». Пришлось лично убедиться, что страсть достаточно порочна, а шоколад — без комочков.

Вторая нимфа, Светка, фыркнула. Лифт пополз вверх. Мои 27 лет, диплом дизайнера и талант создавать кондитерские шедевры в эту секунду превратились в пыль. Я была просто Пышкой, которая пахнет булками. Опять.

Мой отдел — дизайнерский — был тихой гаванью в этом море глянца. Здесь ценили идеи, а не размер одежды. Вернее, почти не ценили. Достаточно было выйти за дверь, чтобы снова почувствовать себя невидимой на фоне стройных, отполированных до блеска сотрудниц, которых, как мне казалось, Громов набирал по каталогу «Идеальные женщины для успешного офиса».

Сам Арсений Валерьевич Громов, наш генеральный директор и местное божество, был для меня чем-то вроде стихийного бедствия — мощным, красивым и абсолютно недостижимым. Мне доводилось пару раз ловить его взгляд в лифте. Не взгляд заигрывания. Взгляд... оценки. Как будто он видел не меня, а какой-то сложный, не до конца понятый ему проект. От этого взгляда по спине бежали мурашки, а внутри всё сжималось в комок стыда. «Смотри, — шептал внутренний голос, — даже он видит, что ты здесь лишняя. Что ж ты такая... обременная?»

Весь день я старалась быть тише воды. Чертила макеты, пила кофе без сахара (хотя душа рвалась к печенью), отшучивалась от коллег. А вечером, когда офис опустел, наступил мой звёздный час.

В маленькой тестовой кухне, что была рядом с нашим отделом (официально — для фотосъёмок еды в интерьерах, неофициально — мой филиал рая), стоял Он. Торт. Моё ночное творение.

Шесть ярусов шоколадного мусса, прослойка бисквита, покрытых зеркальной глазурью цвета ночи. «Страсть Шоколадная». Я назвала его так в порыве вдохновения. Теперь он был готов. И его надо было везти клиенту утром.

Но один маленький, крошечный кусочек сбоку... он был как будто создан для меня. Для награды. Для того, чтобы убедиться, что страсть удалась.

Я отрезала. Положила на тарелку. Включила на телефоне громкую музыку, заглушающую мир. И закусила.

Блаженство. Абсолютное, безраздельное. Шоколад таял на языке, посылая в мозг сигналы чистого счастья. Я закатила глаза, забыв про Леру, про Громова, про свои джинсы на размер меньше, которые жали в талии.

— Контроль качества, говорите?

Голос прозвучал прямо у меня за спиной. Низкий, бархатный, с лёгкой, едва уловимой усмешкой.

Я подавилась. Музыка гремела в ушах, но я ощутила его присутствие кожей — как перепад давления перед грозой. Медленно, как в кошмаре, сняла наушники. Оборачиваться не хотелось. Совсем.

Увы, пришлось.

В проёме двери, прислонившись к косяку, стоял он. Арсений Громов. Без пиджака, галстук ослаблен, рукава белоснежной рубашки закатаны. В руках — папка. И вид у него был такой... будто он только что обнаружил в своём офисе не сотрудника, обедающего тортом, а нечто бесконечно более интересное.

— Арсений Валерьевич, — выдавила я, чувствуя, как карамель прилипает к нёбу. — Я... это... финальная проверка. Перед отправкой клиенту.

Он оттолкнулся от косяка и вошёл. Кухня сразу стала меньше. Воздух — гуще. От него пахло дорогим деревом, холодным кофе и... опасностью.

— Судя по выражению вашего лица, — он медленно обвёл взглядом мои покрасневшие щеки, тарелку, ложку в моей замершей руке, — качество... исключительное.

Мозг лихорадочно искал выход. Щит! Где мой щит?

— Визуальное и вкусовое соответствие бренду, — проговорила я, поднимая подбородок. — Мы же креативщики. Должны прочувствовать продукт.

Он подошёл ближе. До стола оставался шаг. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах. Я машинально лизнула их, чувствуя, как горит всё лицо.

— Насколько я знаю, наш бренд — интерьерные решения, — произнёс он тихо. Боже, даже его тихий голос звучал как команда. — Но я не против расширения ассортимента.

И тогда он сделал это. Взял со стола чистую ложку. Не отрывая от меня тёмных, нечитаемых глаз, зачерпнул немного мусса с края торта, с моего торта, и поднёс ко рту.

Время остановилось. Он попробовал. Закрыв глаза на долю секунды. Тень от ресниц — густых, тёмных — легли на скулы. А когда открыл глаза, в них было что-то новое. Что-то горячее и однозначное.

— Божественно, — выдохнул он. И слово это было направлено не на торт. Оно было направлено на меня.

Внутри всё перевернулось. Паника, острая и сладкая, как этот проклятый мусс, ударила в виски.

— Я... испекла новый! Завтра! — залепетала я, отодвигаясь. — Этот не подходит, он...

— Не надо, — перебил он. Сделал ещё шаг. Теперь между нами было полметра. Я чувствовала исходящее от него тепло. — Этот... идеален.

Он наклонился чуть ближе. Его взгляд приковал меня к месту.

— А знаете, какое у меня правило, Алиса? — спросил он, и мое имя в его устах прозвучало как-то по-новому, как сокровенная тайна.

Я покачала головой, потеряв дар речи.

— Я всегда забираю себе то, что считаю идеальным, — прошептал он. Взгляд его упал на мои губы, потом медленно, не спеша, поднялся обратно к глазам. — И оно останется только в моем личном распоряжении.

Он выпрямился, положил ложку на стол. На его лице промелькнула тень той самой усмешки.

— Приятного аппетита. И... хорошей ночи.

Развернулся и вышел. Оставив меня одну с полуразрушенным тортом, бьющимся сердцем и одной-единственной, четкой, как удар колокола, мыслью:

Всё. Это конец. Или начало самого дурацкого и невозможного кошмара в моей жизни.

А торт на столе, будто дразня, блестел под светом люстры. Говоря без слов: «Пышка, ты влипла. По самые уши».

***Также приглашаю моих дорогих читателей в новые крутые истории про пышечек!
Новинка!***

Литмоб "Пышка на десерт"

<https://litnet.com/shrt/OsK0>

Визуалы героев.

Арсений Громов, шикарный босс, считающий "комплексы" Алисы далеко не комплексами...

Алиса Смирнова, еще не знающая о предпочтениях босса... хи-хи

Глава 2.

АРСЕНИЙ

Успех — это предсказуемость. Предсказуемо дорогой костюм, предсказуемо безупречный офис, предсказуемо красивые лица сотрудниц, которым ты вежливо-холодно киваешь в лифте. Иногда эта предсказуемость начинает душить. Как туго затянутый галстук.

Сегодня было именно такое утро. Совещание с инвесторами прошло идеально. Они кивали, улыбались, подписывали бумаги. А я смотрел на них и думал, что все мы — просто очень дорогие, хорошо отлаженные машины. И мне отчаянно захотелось... шума. Несовершенства. Человечности.

Возможно, поэтому я свернул не в свою приёмную, а прошёл дальше, в сторону креативных отделов. Туда, где пахнет не только кофе и амбициями, но иногда — краской, деревом и чем-то... домашним.

Мой взгляд машинально выхватил её, как вспышку жёлтого цвета на монохромном фоне. Алиса Смирнова. Врывалась в лифт, запыхавшаяся, с развевающимися огненно-каштановыми волосами. В этом жёлтом свитере, сидевшем на ней безнадёжно не по офисному дресс-коду, но как-то дико идущем её тёплому цвету лица. Она пахла. Черт возьми, она реально пахла булочками с корицей, пробиваясь сквозь стерильный воздух лифта. И это было... отвратительно?

Нет. Совершенно точно нет.

Это было как глоток кислорода после удушья. Она смотрела в телефон, игнорируя ядовитые взгляды Леры из маркетинга. А потом выдала что-то про «порочную страсть и комки в шоколаде». Голос у неё был низковатый, с хрипотцой, и в нём звучала дерзость, которую она, кажется, сама не осознавала.

Я не стал входить в лифт. Прошёл мимо, оставив их в тесной кабине. Но образ отпечатался: пятно муки на обтягивающих джинсах, ярость в карих глазах, скрытая за маской сарказма. Жизнь. Настоящая, кипучая, неотшлифованная жизнь ворвалась в мой отлаженный мир.

Мне стало интересно.

Я вызвал к себе Марину, начальницу отдела кадров.

— Расскажите о Смирновой. Алисе. Из дизайнерского отдела.

Марина, образец эффективности, даже не удивилась.

— Младший дизайнер. Принята девять месяцев назад. Рекомендация от «АртВзгляда», креативное агентство, с которым мы сотрудничали. У них был жёсткий отбор. Портфолио у неё сильное, нестандартное. Внесла несколько свежих идей в проекты «Лофт-квартала» и «Зелёной гавани». Клиенты хвалили. Работает много, иногда задерживается. В коллективе на хорошем счету.

— Почему через «АртВзгляд»? Почему не через стандартный набор?

Марина чуть помедлила.

— Арсений Валерьевич, отдел дизайна — это не маркетинг. Там ценят талант, а не... соответствие корпоративной эстетике. Её портфолио говорило само за себя. А тестовое задание она выполнила блестяще. Мы искали свежий взгляд. Она его дала.

Свежий взгляд. Да. Её взгляд, полный вызова и скрытой насмешки, когда она влетела в лифт, был самым свежим, что я видел за последний год.

— А почему «младший»? Если она так хороша?

— Стаж, возраст... — пожала плечами Марина. — Планы по повышению есть в следующем квартале.

Я кивнул и отпустил её. Значит, так. Её взяли за талант. Несмотря на то, что она не вписывалась в парадный ряд моих сотрудниц. Это даже льстило моему отделу кадров. Хотя я

был уверен, что, если бы она шла на позицию в маркетинг или PR, её бы завернули на первом же этапе. «Не формат». Проклятые слова новомодного мира.

Весь день её образ не выходил из головы. Этот жёлтый свитер, как сигнальный флажок. Я ловил себя на том, что, проходя по коридору, ищу этот пятнистый след муки на чьих-то бёдрах. Безумие.

К вечеру предсказуемость снова начала давить. Отчёт, который я читал, превращался в кашу из цифр. И я вспомнил. Вспомнил, как неделю назад, проходя мимо тестовой кухни поздно вечером, увидел свет. Заглянул. Она стояла у стола, вся в концентрации, что-то взбивая в миске. Язык слегка прикушен. На щеке — мазок шоколада. Она что-то напевала себе под нос. Это было настолько... искренне. Насколько далеко от офисных игр.

Я отложил папку и пошёл туда. Без цели. Просто... проверить. А вдруг...

И застал её.

Застал в момент абсолютной, детской радости. Она ела торт. Закатив глаза от наслаждения. И в этот миг она была ни младшим дизайнером, ни пышкой, ни кем бы то ни было.

Она была чистым, безудержным удовольствием. Вкусом. Искушением в его первоначальном виде.

Моя первая мысль была профессиональной: «Нарушение. Использует ресурсы компании в личных целях». Вторая, гораздо более мощная, заглушила первую: «Хочу откусить». И я не знал, чего именно хотел – откусить кусок от торта или от нее...

Когда она обернулась, и на её лице расцвела паника, тут же прикрытая наглым сарказмом («Контроль качества!»), что-то во мне щёлкнуло. Игра. Она решила играть. Отлично. Я обожаю игры, в которых знаю, что выиграю.

Её глаза, широко распахнутые, были как у загнанного оленя. Красивого, сильного, готового дать отпор. Я подошёл. Вдохнул воздух, смешанный с запахом шоколада, ванили и её духов — что-то фруктовое, недорогое, но дико притягательное. Взял ложку. Её ложку? Неважно.

Вкус торта взорвался на языке. Идеальный баланс горечи и сладости. Сложный, многослойный, как она сама.

«Божественно», — сказал я. И это была правда. Но говорил я не о торте.

Она залепетала что-то про новый торт. Испуганная. А мне вдруг дико захотелось, чтобы она не боялась. Я хотел растопить этот лёд, разбить этот щит сарказма. Хотел увидеть ту самую, из лифта и с кухни недельной давности — живую, дерзкую, пахнущую жизнью.

Поэтому я наклонился. Нарушил её личное пространство. Увидел, как дрогнули её ресницы. Произнёс свою глупую, пафосную фразу про «идеальное». И это тоже была правда. В этом её несовершенстве, в этой её «неформатности» была какая-то дьявольская, порочная совершенность.

Я ушёл, оставив её в смятении. Потому что, если бы остался ещё на минуту, я бы не удержался. Не удержался бы и провёл пальцем по её щеке, чтобы стереть ту самую, воображаемую каплю крема. А потом, возможно, попробовал бы её губы на вкус. Чтобы сравнить со вкусом торта.

Вернувшись в кабинет, я сел в кресло и уставился в потолок. Правила игры изменились. Сегодня вечером я обнаружил в своей империи не просто сотрудника. Я обнаружил сокровище. Зарытое, неуклюже замаскированное под «рядового дизайнера». Сокровище, которое пахнет корицей, бросает вызов взглядом и создаёт шедевры из сахара и муки.

И у меня, Арсения Громова, человека, привыкшего получать всё, что он хочет, появилось новое, непреодолимое желание.

Я хочу это сокровище. Всё целиком. Со всеми её комплексами, сарказмами и пятнами от муки.

Осталось лишь выяснить, как забрать его, не сломав. И сделать так, чтобы оно само захотело принадлежать мне.

Первым делом завтра же утром я вызову её к себе. И сделаю ей заказ. Личный. Посмотрим, как она будет отбиваться на этот раз.

Уголки моих губ сами потянулись вверх. Предсказуемость сегодняшнего дня окончательно развеялась. Её место заняло сладкое, густое, как шоколадный мусс, предвкушение.

Игра началась. И я не намерен проигрывать.

Хочу пригласить вас в новинку - участницу литмоба "Пышка на десерт" от автора Мэри Ли "Пышка для сводного. Ты заплатишь за все" <https://litnet.com/shrt/5a5j>

Глава 3.

АЛИСА

Сон не шёл. Всю ночь перед глазами стоял он. Его взгляд. Слово «идеально», произнесенное таким тоном, будто это приговор. Или предложение. Чёрт, я даже не поняла, что хуже.

Утро встретило меня мешками под глазами и нервной дрожью в руках. Я облачилась в самое своё бронебойное оружие — широкий чёрный свитер-балахон и джинсы, которые хоть и жали, но хотя бы были тёмными. Старалась быть невидимкой.

И, конечно, провалилась на самом пороге.

— Алиса, к Арсению Валерьевичу, — сухо бросила его ассистентка Ирина, когда я ещё даже не успела снять куртку. В её голосе не было ни капли эмоций. Как будто она отправляла меня на казнь.

Внутри всё похолодело. Ну вот. Началось. «За нарушение корпоративной этики, порчу имущества и обжорство в рабочее время...»

Лифт до двадцать пятого этажа казался камерой смертников. Я вошла в его приёмную — огромное, стильное пространство в стиле лофт, от которого веяло таким холодом, что я инстинктивно чуть не обернулась назад. Ирина кивнула на тяжелую дверь из темного дерева.

— Заходите. Он вас ждёт.

Я вдохнула, выдохнула и вошла.

Его кабинет был ещё больше. Панорамные окна открывали вид на весь город, будто он лежал у ног Арсения Громова. Сам он сидел за массивным столом, уткнувшись в монитор. В свете утреннего солнца он выглядел... обычным. Нет, не обычным. Безупречным. И от этого ещё более пугающим.

— Садитесь, Алиса, — сказал он, не отрываясь от экрана.

Я опустилась на краешек кожаного кресла, чувствуя, как тону в его глубине. Мой свитер вдруг показался мне не броней, а мешком, в котором меня принесли в жертву.

Он нажал что-то на клавиатуре, откинулся в кресле и наконец посмотрел на меня. Его взгляд был деловым, непроницаемым. Ни намёка на вчерашнюю... заинтересованность.

— Вчерашний инцидент, — начал он. Голос ровный, начальственный.

Я приготовилась.

— Показал мне, что у нас в компании скрывается нераскрытый талант, — закончил он.

Я моргнула. Что-что?

— Я ознакомился с вашим портфолио. И с отзывами по проектам «Лофт-квартала». Работа впечатляет.

«Не радуйся, — тут же прошипел внутренний голос. — Это прелюдия к удару».

— Спасибо, — выдавила я.

— Вчерашний торт, — продолжил он, сложив пальцы домиком, — был на уровне, а то и выше, многих кондитерских, с которыми мы сотрудничаем для корпоративных мероприятий.

Он делает паузу, давая словам повиснуть в воздухе. Я сижу, боясь пошевелиться.

— У меня к вам деловое предложение, Алиса.

Вот. Щелчок мышеловки.

— Я хочу заказать у вас торт. Не для компании. Лично для себя.

Мой мозг завис. Я перевела взгляд с его серьёзного лица на панораму города за окном и обратно.

— Арсений Валерьевич, — начала я осторожно, включая логику, — я не профессиональный кондитер. У меня нет своей кухни, разрешений... Я делаю это... для души. И для небольших заказов друзей.

— Именно поэтому заказ и идёт вам лично, а не через отдел закупок, — парировал он, как будто ожидал этого возражения. — Это вопрос частного гостеприимства. У меня в субботу небольшой ужин дома. Мне нужен десерт, который произведёт впечатление. Вчерашняя «Страсть Шоколадная» ... его произвела.

Он произнёс последнюю фразу с едва уловимым смешком в уголке губ. Мои щёки вспыхнули.

— Я... — я искала слова, любые слова, чтобы отказаться. — Я не уверена, что смогу повторить результат. Вдохновение — штука непостоянная.

— Я верю в ваше вдохновение, — сказал он просто. И его взгляд на секунду стал тяжёлым, томным, каким был вчера. Потом снова стал деловым. — Я готов оплатить работу по рыночной ставке топовых кондитеров. Плюс все материалы. Назовите вашу цену.

Цену? Мой разум лихорадочно подсчитывал. Сумма, которую он, вероятно, имел в виду, была в три раза больше моей месячной зарплаты. За один торт. Это было абсурдно. Это была ловушка.

— Это слишком щедро, — сказала я, пытаюсь вернуть контроль. — За такие деньги вы можете заказать у Виктора Маринова или в «Патисери Бланш».

— Но я не хочу у Виктора Маринова, — отрезал он. В его голосе впервые прозвучали нотки того самого властного тона, перед которым трепетали вице-президенты. — Я хочу ваш торт, Алиса.

Это было без компромиссов, безоговорочно.

Мы смотрели друг на друга через стол. В тишине кабинета гудело напряжение. Он покупал не торт. Он покупал... что? Моё смущение? Моё внимание? Причину снова видеть меня вне офиса?

Мой сарказм, предатель, проснулся именно в этот неподходящий момент.

— Арсений Валерьевич, вы уверены, что это хорошая идея? — спросила я, подняв бровь. — Что скажут ваши гости, когда узнают, что их десерт испекла... пышка из дизайнерского отдела? Это может подорвать ваш имидж ценителя изысканного и прекрасного.

Он замер. На его лице что-то промелькнуло — не гнев, а что-то вроде... азарта. Как будто он ждал именно этого выпада.

— Мои гости, — произнёс он медленно, вставая из-за стола и подходя к окну, — ценят исключительный вкус. А не предрассудки. И мой имидж, — он обернулся, и его фигура на фоне света казалась огромной и совершенно недостижимой, — меня волнует гораздо меньше, чем качество того, что я подаю к своему столу. И кого я приглашаю к нему.

От последней фразы у меня перехватило дыхание. Он снова играл словами. Дразнил.

— Итак, — он вернулся к столу и протянул мне визитку. На ней был только адрес и номер телефона. — Это адрес. Торт нужно будет привезти и... презентовать в субботу, к восьми вечера. Ваши условия?

Я взяла визитку. Бумага была плотной, дорогой. Как и всё, что его окружало.

Сопротивляться дальше было бесполезно. И... черт возьми, сумма была очень соблазнительной. На эти деньги можно было бы купить ту самую профессиональную планетарную миску, о которой я давно мечтала.

— Материалы я покупаю сама, с предоставлением чеков, — сказала я, поднимая на него взгляд с искрами принятого вызова. — Моя цена — как у «Патисери Бланш» за wedding-cake уровня «люкс». Плюс доставка и... презентация. И я работаю только в свободное от основной работы время. Овертаймы не входят в стоимость.

Уголок его рта дрогнул.

— Принято. Жду в субботу. Не опаздывайте.

Это было не просьбой. Это был четкий приказ.

Я вышла из кабинета, сжимая в потной ладони его визитку. В голове стоял гул. Я только что согласилась испечь торт для Арсения Громова. Лично. И отнести его... к нему домой.

Это было не деловое предложение. Это была первая атака. И я, похоже, только что капитулировала.

«Ну, ничего, — пробормотала я себе под нос, нажимая кнопку лифта. — Торт я испеку. Но это всё, что ты получишь, Громов. Просто торт».

Но почему-то внутренний голос, предательский и тихий, прошептал: «А он, похоже, заказал не только торт, пышка. Он заказал тебя. И, кажется, уже положил депозит».

Хочу пригласить вас в новинку - участницу литмоба "Пышка на десерт" от автора Кати Куницы "Девочка на десерт" <https://litnet.com/shrt/xsh7>

Глава 4.

АРСЕНИЙ

Она согласилась. Сопротивлялась, ершилась, как котёнок, которого пытаются взять на руки, но согласилась. Когда дверь моего кабинета закрылась за ней, я позволил себе улыбнуться. Не той дежурной улыбкой для партнёров, а настоящей, широкой, от которой даже щёки заболели.

Она пыталась шутить. «Что скажут гости, когда узнают, что десерт испекла пышка?» Чёрт возьми, эта её самоирония, за которой скрывалась настоящая, живая боль, сводила меня с ума. Она видела себя через призму чужих взглядов, искаженных предрассудками. А я... я видел шедевр. Неровный, колючий, но от этого только более ценный.

Я посмотрел на календарь. До субботы четыре дня. Четыре дня, в течение которых я буду знать, что она думает обо мне, о заказе, пытаюсь разгадать мои мотивы. И четыре дня, чтобы подготовить поле для следующего шага.

Мой внутренний план был прост, как всё гениальное: завоевать её доверие через её страсть. Через её торты. Показать, что я ценю её талант не на словах, а рублём и вниманием. А потом... потом уже переходить к тому, что интересовало меня гораздо больше её кулинарных навыков.

Но сначала нужно было разобраться с одной формальностью. Я вызвал к себе начальника её отдела, Олега.

— Олег, как там дела с повышением Смирновой? — спросил я без предисловий.

Олег, человек в свитере с оленями и выющимися седыми волосами, казался слегка ошарашенным.

— Арсений Валерьевич, мы планируем в следующем квартале. У неё отличные показатели, но...

— Но что?

— Ну, знаете, — он развёл руками, — возраст, стаж... Ходили слухи, что она подрабатывает на стороне. Кондитерством каким-то. Не все считают это... профессиональным.

«На стороне». То есть не для моего офиса. Как будто её талант принадлежал нам.

— Эти «слухи» — правда, — сухо сказал я. — И её кондитерский талант — это не недостаток, а дополнительное конкурентное преимущество. Оно говорит о креативности, внимании к деталям и умении доводить дело до идеального результата. То, чего нам порой не хватает в стандартных проектах.

Олег заморгал.

— Я... конечно. Вы правы.

— Отлично. Оформите повышение до дизайнера с повышением оклада на двадцать пять процентов. Эффективно с первого числа следующего месяца. И, Олег, — я посмотрел на него прямо, — это решение исходит от меня лично. Понятно?

В его глазах мелькнуло понимание. Кивнул, быстро ретируясь. Хороший мужик, Олег. Не станет разбалтывать. Но нужный слух в отделе поползёт: «Смирнову отметил лично Громов». Это защитит её от ядовитых языков. Хотя бы немного.

Весь остаток дня я ловил себя на том, что отвлекаюсь. Вместо цифр в отчёте видел её испуганные карие глаза в свете кухонной люстры. Слышал её хриловатый голос, пытающийся быть колким. «Просто торт», — сказала она. Нет, милая моя пироженка. Для меня это уже стало не «просто тортом».

Вечером, уже дома, в своём стерильном, идеально спроектированном пентхаусе, я стоял у панорамного окна и думал о ней. Где она живёт? Наверное, в какой-нибудь уютной квартирке,

заваленной скетчбуками и кухонной утварью. Там наверняка пахнет корицей и красками. Там тепло. У меня же пахло деньгами и одиночеством.

Я взял телефон. Набрал номер своей личной ассистентки, которая решает вопросы за пределами офиса.

— Елена, мне нужна информация по одной кухонной технике. Планетарные миксеры. Лучшие на рынке. — Я услышал, как она застучала по клавиатуре. — И найдите способ анонимно отправить один такой... ну, скажем, победителю какого-нибудь креативного конкурса среди молодых дизайнеров города. Чтобы не было явной привязки ко мне. Конкурс нужно будет создать, если такого нет.

— Поняла, Арсений Валерьевич, — без тени удивления ответила Елена. Она привыкла к моим странным поручениям. — Будет сделано.

Я положил трубку. Это был риск. Она могла догадаться. Но я надеялся, что её желание получить эту миску пересилит подозрения. Мне хотелось дарить ей вещи. Не те, что покупают для содержанок — бриллианты, шубы. А то, что будет иметь для неё значение. То, что оценит её внутренний творец.

Потом я сел за компьютер и открыл файл с её личным делом. Фотография на пропуск.

Она там серьёзная, чуть насупленная. Не такая, как в жизни. Я пролистал дальше. Рекомендательное письмо из «АртВзгляда». Там было написано: *«Алиса обладает редким даром — видеть сердце проекта и воплощать его в тёплой, человеческой эстетике».*

«Человечной эстетике». Вот что она привнесла и в мой мир, ворвавшись в лифте в жёлтом свитере. Человечность.

В субботу она придёт сюда. В мою крепость. Посмотрю, как она будет держаться на моей территории. Будет ли она так же ершиться? Будет ли пахнуть ванилью и дерзостью?

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Впервые за долгое время я ждал какого-то события не потому, что оно сулило финансовую выгоду. А потому, что оно сулило... ощущения. Волнение. Игру.

«Держись, Алиса, — подумал я. — Наша игра только начинается. И ты ещё даже не знаешь правил».

Но главное правило было одно: проиграть я не позволю. Ни ей. Ни себе. Потому что приз был слишком ценен для обеих сторон.

Хочу пригласить вас в новинку - участницу литмоба "Пышка на десерт" от автора Мари Скай "Пышка. От босса (не) сбежать" <https://litnet.com/shrt/JLA1>

Глава 5.

АЛИСА

Офисный воздух, пропитанный страхом и ароматным кофе, остался за спиной лифта. Я выдохнула, только когда выскочила на улицу. Прохладный вечерний ветер обдувал разгорячённое лицо. Визитка Громова жгла дыру в кармане.

«Торт для Громова. Лично. К нему домой».

Фраза крутилась в голове навязчивым «джинглом». Я шла, не замечая улицы, пока ноги сами не принесли меня к знакомой двери кондитерской «Сласть». Не внутрь — рядом, в узкий проулок, где была чёрная неприметная дверь. Мой тыл. Моя крепость.

Ключ, скрип ступеней, запах — домашний, родной. Ваниль, корица, сладкая пыль и... кот. Не просто кот. Пухлик.

— Мрррау? — Из темноты навстречу выкатился, точнее, изогнулся дугой огромный пушистый комок цвета пшеничного хлеба. Его морда, вечно удивлённая и слегка обиженная, уткнулась мне в ногу.

— Привет, мой царь, — я наклонилась, чтобы почесать его за ухом. Он заурчал, как трактор, тут же повалился на спину, подставляя пузо. Предатель. Знает мои слабые места.

Я прошла дальше, в главное пространство — квартиру-студию, которую делила пополам с мечтой. С одной стороны — диван, книжные полки, заваленные скетчбуками, мольберт. С другой — моя импровизированная кухня-лаборатория: огромный стол, духовка, холодильник и груды всякой кондитерской магии. И посреди всего этого — она.

Моя мама. Наталья Сергеевна Смирнова. Сидела за ноутбуком, в изящных очках, с седыми волосами, уложенными в строгую, но элегантную причёску. На ней был тёмно-синий домашний костюм, и выглядела она так, будто управляла не кухней, а очередным залом заседаний. Бывшая учительница, а ныне — успешный организатор детских образовательных проектов. Моя личная «деловая дама-мадама».

— Ась, что случилось? — Она тут же оторвалась от экрана, сняла очки. Её взгляд, острый и тёплый, просканировал меня за секунду. — Вид, как у Пухлика, когда у него отбирают любимую креветку. Кто обидел?

— Меня никто не обидел, — буркнула я, плюхаясь на диван рядом с ней. Пухлик немедленно запрыгнул ко мне на колени, устроился колобком. — Меня... купили.

Мама прикрыла ноутбук.

— Объясняй. Подробно. Я заварю чай.

Пока она хлопотала на кухне, я выложила всё. Про торт, про ночную поимку, про вызов в кабинет, про безумный заказ. Про сумму, от которой у самой закружилась голова.

— ...и он сказал: «Я хочу ваш торт, Алиса. Без компромиссов», — закончила я, пряча лицо в пушистом боку Пухлика.

Мама поставила передо мной кружку с её фирменным чаем «для нервов» (ромашка, мята, немного имбиря) и села напротив.

— Интересно, — сказала она после паузы.

— Что интересно? Что я теперь должна буду идти в логово этого... этого Громова с тортом? Что все будут показывать на меня пальцем? «Смотрите, пышка приперлась с тортиком, думает, боссу понравится»?

— Алиса, — мама говорила мягко, но твёрдо. — Прекрати. Во-первых, ты не «пышка». У тебя прекрасная, женственная фигура. Во-вторых, он не просто босс. Он клиент. Дорогой клиент, который платит тебе за твой профессионализм, а не за размер одежды. В-третьих, — она прищурилась, — почему ты решила, что он пригласил тебя, чтобы над тобой посмеяться?

— Мама, ты его не видела! — я всплеснула руками, Пухлик недовольно мявкнул. — Он... он как с обложки! И вокруг него одни красотки-модели! Зачем ему я?

— Может, потому что он устал от красоток-моделей? — предположила мама, отхлебнув чай. — Может, ему нужен человек. А не манекен. И твой торт он оценил не глазами, а языком. И, судя по всему, нашёл его идеальным.

От её слов мне стало и тепло, и не по себе.

— Он сказал... он сказал, что забирает себе всё, что считает идеальным. Еще и не поделится ни с кем...

Мама подняла бровь.

— Нагловатое. Но честно. Мужчина, который знает, чего хочет. Опасно, но... интригующе.

— Ма-ам! Ты на чьей стороне вообще?

— На твоей, глупышка! — она рассмеялась. — Но я реалист. Ты талантлива. И если этот Громов это видит и готов за это платить — это отлично. А насчёт всего остального... — она сделала многозначительную паузу, — посмотрим. Сначала просто испеки лучший торт в своей жизни. Покажи ему, на что способна Алиса Смирнова. А там видно будет.

Её спокойная уверенность действовала лучше любого успокоительного. Она всегда была моей скалой. После папы... она одна тянула всё. И никогда не позволяла мне жалеть себя.

— А если это... если это какой-то розыгрыш? — прошептала я своё самое страшное опасение.

— Тогда, — мама встала и обняла меня за плечи, целуя в макушку, — ты просто оставишь ему торт, возьмёшь деньги и уйдёшь с высоко поднятой головой. Потому что ты — кондитер от Бога. А он — просто очередной заказчик. Пусть и с красивыми глазами и отличным телом.

Я фыркнула, но обняла её в ответ. Пухлик, зажатый между нами, возмущённо захрипел.

Позже, когда мама ушла спать, а я сидела за столом, набрасывая эскизы торта для Громова, ко мне подошёл Пухлик. Он запрыгнул на стол, уселся прямо на черновик и уставился на меня своими жёлтыми, всепонимающими глазами.

— И что ты думаешь, мудрец пушистый? — спросила я, почёсывая ему подбородок.

Он потянулся, ткнулся холодным носом мне в руку и громко заурчал. А потом аккуратно лег на эскиз, накрыв лапами нарисованный шоколадный велюр.

Послание было ясным: «Расслабься. Делай своё дело. А если что — я его красивую мордашку поцарапаю».

Я рассмеялась. С Громовым или без, у меня есть тыл, который не предаст. Мама, чай, кот и моя кухня. С этой мыслью страх отступил, уступив место азарту.

«Хорошо, Арсений Валерьевич, — подумала я, вытаскивая из-под кота новый лист. — Вы хотите идеальный торт? Вы его получите. Но только торт. Остальное... не продаётся».

А где-то в глубине, очень тихо, шевельнулось любопытство. Как у него дома? Какое оно — «логово» такого человека? И... что он на самом деле хочет увидеть в субботу? Торт? Или что-то ещё?

Пухлик, словно угадав мои мысли, мявкнул и спрыгнул со стола, уносясь в темноту. Оставляя меня наедине с эскизами, страхами и странным, щекочущим нервы предвкушением.

Хочу пригласить вас в новинку - участницу литмоба "Пышка на десерт" от автора DIVA "На вес золота" <https://litnet.com/shrt/x7IC>

Ночной дозор Алисы и Пухлика

Глава 6.

АЛИСА

Четыре дня до субботы пролетели как в тумане. Я жила в двух реальностях: днём — офис, макеты, совещания, где я старалась не встречаться взглядом с Олегом, который вдруг стал подозрительно часто меня хвалить; ночью — кухня, мука, шоколад и бесконечные эксперименты.

Торт для Громова не давал мне покоя. Я перебрала десятки вариантов: классический «Опера», слишком вычурный, слишком простой, слишком сладкий, слишком горький. В какой-то момент я даже засомневалась, что вообще умею печь. Пухлик, главный дегустатор, уже устал слизывать пробные кремы и теперь просто валялся на подоконнике, презрительно шурясь на мои метания.

— Ну скажи, чего он хочет? — взывала я к нему, размешивая очередной ганаш. Пухлик зевал, демонстрируя розовый рот и полное равнодушие к моей драме.

Мама мудро держалась в стороне, лишь изредка подсовывая мне чай и напоминая поесть. Но в четверг вечером, когда я уже почти рыдала над растекшимся муссом, она не выдержала.

— Алиса, остановись, — она мягко, но решительно забрала у меня венчик. — Ты не просто торт готовишь. Ты готовишь защиту. Ты пытаешься угадать, что ему нужно, чтобы он отстал. Чтобы сказал «спасибо, все хорошо» и больше никогда тебя не трогал. Но это не работает.

— Что не работает? — тупо переспросила я.

— Ты не знаешь, чего он хочет, — сказала мама, глядя мне прямо в глаза. — Но ты знаешь, что любишь сама. Испеки то, от чего у тебя самой загораются глаза. То, что ты бы съела сама в самый счастливый момент. Если ему это не понравится — значит, он просто не твой клиент. И не твой человек. И это будет ответом на все твои вопросы.

Я замерла, глядя на неё. В её словах была такая простая, обезоруживающая правда, что я рассмеялась. Рассмеялась, потому что она была права. Я так боялась не угадать его вкус, что забыла про свой.

— Ты гений, — выдохнула я.

— Я мама. Это почти одно и то же, — улыбнулась она, возвращая мне венчик. — А теперь делай свой шедевр. А я пойду посмотреть своё «Великое британское пекарное шоу». Буду болеть за толстячка с усами. Он там самый человечный.

Я обняла её и уткнулась носом в плечо, пахнущее её духами и чуть-чуть — моими пироженными.

— Мамуль, спасибо, ты у меня самая лучшая.

— Спасибо скажешь, когда этот Громов упадёт к твоим ногам, — фыркнула она и ушла в гостиную, оставляя меня наедине с муссом и новым пониманием.

Я выдохнула, посмотрела на свои заметки, на испорченные образцы, на Пухлика, который наконец соблаговолил спрыгнуть с подоконника и потереться о мои ноги. И вдруг поняла, что именно я хочу испечь. Не модный десерт. Не то, что ожидают увидеть в доме миллиардера. А то, что я сама люблю больше всего.

Сложный, многогранный, но нежный. С кислинкой, чтобы не приторно. И с секретом внутри.

— «Лесная тайна», — прошептала я, записывая название.

Шоколадный бисквит с нотками вишни, прослойка из чёрной смородины с мятой, мусс на тёмном шоколаде с добавлением каштанового пюре — чтобы было тепло, по-осеннему уютно. И в середине — сюрприз: жидкая вишнёвая сердцевина с капелькой коньяка. И зеркальная глазурь тёмно-рубинового цвета. Чтобы сияла, как драгоценность.

Я работала до трёх ночи. Уставшая, счастливая, в муке с ног до головы. Пухлик спал у меня на коленях под столом. Мама тихонько похрапывала в своей комнате. А я впервые за эти дни почувствовала покой. И азарт. Настоящий, творческий азарт.

А вечером в пятницу случилось то, что выбило меня из колеи снова.

Курьер привёз огромную коробку. Я открыла, думая, что это заказ маминых товаров. И замерла.

В коробке, в идеальной упаковке, стояла она. Моя мечта. Профессиональная планетарная миска «KitchenAid» — цвет «сиреневое небо», с полным набором насадок. Модель, на которую я копила два года и которая стоила, как крыло самолёта.

Внутри была открытка. Никакой подписи. Только слова: *«Победителю конкурса молодых дизайнеров от спонсора, который верит в ваш талант. Продолжайте творить».*

Я перечитала пять раз. Конкурс? Какой конкурс? Я не участвовала ни в каком конкурсе! Мама вышла из комнаты, увидела коробку, моё лицо и задорно присвистнула:

— Ничего себе подарок. От кого будет?

— Не знаю, — растерянно прошептала я. — Тут написано — конкурс. Но я...

Я осеклась. В голове щёлкнуло. Нет. Не может быть.

Я схватила телефон. Открыла чат с Марго и Катей. Написала:

«Девчонки, вы что-то знаете про конкурс дизайнеров? Мне прислали KitchenAid...»

Марго ответила через минуту с кучей восклицательных знаков:

«Ничего себе! Поздравляю! Но нет, не слышала. Хотя... слушай, это же твой босс мог? Он же вчера, говорят, тебя лично повысил. Олег всем уши прожужжал, что Громов тобой восхищается»

Моё сердце ухнуло в пятки.

«Что? Какое повышение? О чём ты?»

«Ты не знаешь?! Ась, с первого числа ты дизайнер с приличной прибавкой. Олег сказал, Громов лично распорядился. И что ты его протезе. Мы думали, ты в курсе!»

Я отложила телефон. Посмотрела на миску. На открытку. На миску. Миска сияла сиреневым боком, нагло, красиво и совершенно невыносимо.

Это был не подарок судьбы. Это была атака. Продвинутая, изощрённая, с учётом моих желаний. Арсений Громов не просто заказал торт. Он залез ко мне в голову. Он узнал, что я мечтаю о такой миске. И он сделал так, чтобы я не могла отказаться. Потому что от подарка «от конкурса» отказаться нельзя.

— Мама, — сказала я глухо, — кажется, у меня проблемы. Большие, сиреневые, с планетарным миксером.

Мама подошла, прочитала открытку, посмотрела на меня.

— Ась, это уже не просто заказ торта. Это... ухаживания. Или осада.

— Что мне теперь делать?

Она пожала плечами:

— Завтра суббота. Поедешь к нему. С тортом. И с этим миксером на совести. Но знаешь, что?

— И что?

— Ты достойна этой миски. Ты достойна повышения. Ты достойна, чтобы тебя замечали. Даже если этот Громов — тот еще хитрый лис. Прими это. Как должное. А потом посмотри ему в глаза и спроси прямо: «Это вы, Арсений Валерьевич?». И посмотри, как он выкрутится.

Я посмотрела на неё, на миксер, на Пухлика, который уже спал в коробке, развалившись на инструкции, как на троне. И неожиданно для себя улыбнулась.

— А знаешь, что? Я так и сделаю. А он пусть попробует отвертеться!

Мама чмокнула меня в нос.

— Вот это моя девочка. А теперь спать. Завтра великий день.

Я легла, но долго не могла уснуть. Ворочалась, смотрела на сиреневое сияние из угла, где стояла коробка. И думала: что же ты за человек, Арсений Громов? И что ты со мной делаешь?

Хочу пригласить вас в новинку - участницу литмоба "Пышка на десерт" от автора Ареллы Сонмы "Пышка. Второй шанс для бывшего" <https://litnet.com/shrt/l08x>

Глава 7.1.

АЛИСА

Суббота наступила слишком быстро.

Я проспала будильник, и проснулась от того, что Пухлик расселся «в позе лотоса» у меня на груди и требовательно тыкался мокрым носом в подбородок. За окном хмурилось небо, намекая на дождь, а в сердце в груди колотилось так, будто я сдавала выпускной экзамен, а не везла торт заказчику.

— Мне к восьми вечера, — прохрипела я, глядя на часы. — У меня ещё куча времени.

Но этого времени, по сути, не было. Торт требовал финальной сборки, глазурь — идеальной температуры, а мои нервы — чего-то явно покрепче чая.

Мама уже уехала на свои выходные с подругами, оставив на холодильнике записку: «Ты лучшая. Если что — звони. И, помни, если он придурок — бей тортом прямо в его красивый «фэйс». Целую». Я улыбнулась и прилепила записку на видное место, рядом с фотографией Пухлика в короне.

К пяти вечера торт был полностью готов. Он стоял на моём рабочем столе, переливаясь тёмно-рубиновой глазурью, как драгоценная шкатулка. Я украсила его живыми ягодами, веточками мяты и тонкими шоколадными листьями, которые делала сама полночи. Он был идеален. Он пах лесом, шоколадом и моей душой.

Я переодевалась, наверное, раз десять. Всё, что было в шкафу, казалось мне неправильным. Слишком нарядно — подумает, что стараюсь для него. Слишком просто — подумает, что мне вообще плевать. Слишком открыто — увидит мои руки, которые я терпеть не могла. Слишком закрыто — задохнусь от волнения.

В итоге я остановилась на тёмно-синем платье-футляре с длинным рукавом и V-образным вырезом. Оно не обтягивало, но подчёркивало талию (хоть она у меня имелась, спасибо и на этом!). К нему — туфли на невысоком устойчивом каблуке (чтобы не грохнуться с тортом еще на подходе) и мамино жемчужное ожерелье — на удачу.

Я посмотрела на себя в зеркало и скривилась. «Пышечка при параде, — прокомментировал внутренний голос. — Как думаешь, сколько секунд пройдёт, прежде чем он начнёт сравнивать тебя со своими моделями?»

— Заткнись, — приказала я себе вслух. Пухлик одобрительно мявкнул.

В такси я тряслась, как осиновый лист на ветру, прижимая к себе коробку с тортом. Водитель, пожилой дядечка, пытался завести разговор, но, увидев моё лицо, благоразумно заткнулся и включил радио.

Мы въехали в район, который я знала только по фильмам. Элитная высотка в центре, с отдельным въездом, охраной и таким количеством камер, что я чувствовала себя звездой реалити-шоу.

— Документы? — сухо спросил охранник в будке.

— Я... меня ждут. Арсений Громов.

Он сверился со списком, кивнул, и нас пропустили. Такси остановилось у стеклянных дверей, от которых веяло таким холодом, что я поёжилась.

Лифт поднимался так быстро, что заложило уши. Когда двери открылись, я оказалась в холле только на одну квартиру. Дверь напротив — высокая, тёмно-серая, без звонка. Только небольшая панель с камерой.

Я сделала глубокий вдох. Выдохнула. Нажала кнопку.

— Да? — его голос из динамика прозвучал глухо, но узнаваемо.

— Алиса. С тортом.

Щелчок. Дверь открылась.

Я вошла в прихожую, такую огромную, что в ней можно было танцевать вальс. Минимализм, серые тона, стекло, металл, ни одной лишней вещи. Пахло деревом, кожей и чем-то неуловимо мужским. Я почувствовала себя нашкодившим ребёнком, забежавшим во взрослый, слишком серьёзный мир.

— Проходи, — раздалось из глубины.

«Проходи? Вот так, с порога, уже на «ты» ... Ну, ладно, он начальник, а начальникам, как говорится, все можно» — пронеслось у меня в голове.

Он стоял в гостиной, у панорамного окна, за которым расстился вечерний город в огнях. На нём были тёмные джинсы и серая футболка, простая, но сидящая идеально. Волосы слегка влажные после душа. Он был... совершенно другим. Домашним. И от этого ещё более опасным.

— Восемь вечера, — сказал он, поворачиваясь ко мне. Его взгляд скользнул по мне — с головы до ног — и задержался где-то на уровне моих глаз. Я не заметила в нём ни тени насмешки или оценки. Только... интерес. Тёплый, внимательный интерес. — Ты пришла.

— Я принесла торт, — уточнила я, сжимая коробку, как щит.

— Я вижу, — уголок его рта дёрнулся. — Проходи. Показывай свое творение.

Я сделала несколько шагов внутрь, чувствуя себя мухой, залетевшей в банку с дорогим мёдом от благородных пчел. Гостиная поражала размерами: огромный диван, камин (настоящий камин!), стеллаж с книгами, рояль в углу. Рояль, чёрт возьми!

— У вас рояль, — ляпнула я, прежде чем успела подумать.

— Играю иногда, — он пожал плечами, как будто это было в порядке вещей. — Ночью. Когда не спится.

Я представила его, сидящего за роялем в пустой квартире, и почему-то стало не по себе. Он казался таким... одиноким. Но тут же отогнала эту мысль. Не смей жалеть потенциального врага. Он тебя в ловушку заманивает.

— Куда поставить? — спросила я деловито.

— На стол, будь добра, — он кивнул на обеденную зону. Там уже стояли два прибора, свечи в подсвечниках и бутылка вина в ведёрке со льдом.

Два прибора. ДВА, ВАШУ МАШУ!

Хочу пригласить вас в новинку - участницу литмоба "Пышка на десерт" от автора Анны Есиной "Искусство любить Пышку" https://litnet.com/shrt/a_Jd

Глава 7.2.

АЛИСА

— Арсений Валерьевич, — я повернулась к нему, чувствуя, как внутри закипает паника, смешанная с возмущением. — Вы говорили, у вас ужин. С важными гостями.

— Да, все верно, — он спокойно выдержал мой взгляд. — Гость — это ты. Садись, пожалуйста.

— Я не могу! — выпалила я. — Я... я привезла только торт. Мне нужно...

— Куда? — перебил он, подходя ближе. — У тебя есть планы на вечер? Важные дела? Срочные заказы?

Я открыла рот и тут же закрыла. Планов не было. Мама уехала. Пухлик остался с миской корма и водой, урча в коробке из-под «конкурсного приза». Я была свободна, как ветер. И он это сто процентов знал...

— Арсений Валерьевич, это не...

— Сеня, — снова перебил он.

— Что, простите?

— Меня зовут Арсений. Друзья зовут Сеня. Мама зовёт Сенечка, но я просил этого не делать. Хотя бы не на людях. Ты, конечно, можешь звать меня и Арсений. Или по имени-отчеству, если тебе так спокойнее. Но вечерний гость за моим столом обращается ко мне по имени.

— Я не гость, — упрямо сказала я. — Я кондитер. Исполнитель заказа.

— Ты принесла заказ, — кивнул он. — Заказ принят. Теперь ты — гостя, которая согласилась остаться на ужин, чтобы я мог насладиться твоим тортом в достойной компании. Своей компании. В одиночестве есть десерт — преступление. Особенно такой десерт.

Он говорил спокойно, уверенно, не нападая, но и не оставляя мне путей к отступлению. И самое страшное — в его голосе не было ни капли насмешки. Он правда хотел, чтобы я осталась. Просто... осталась.

— Это нечестно, — выдохнула я.

— Что именно?

— Вы... ты... — я запуталась в местоимениях. — Ты заманил меня. Сначала заказ, потом повышение, потом этот миксер... Откуда ты узнал про миксер?

Он чуть склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение.

— А ты догадалась. Быстро. Признаться, я слегка смущен таким быстрым раскрытием.

— Марго написала про повышение. А миксер... я мечтала о нём два года. Он стоит, как моя месячная зарплата, если уже не больше. И вдруг — «конкурс». Смешно же...

— Я не хотел, чтобы ты отказалась, — признался он тихо. — Знал, что от незнакомца не примешь. Решил, что так — честнее.

— Честнее? — я повысила голос. — Ты врешь мне в глаза и называешь это честно?

— Я не врал, — он шагнул ещё ближе, и теперь между нами было меньше метра. — Я сказал: от спонсора, который верит в твой талант. Это правда. Я верю. Искренне. Я видел твои работы. Я пробовал твой торт. Ты — одна из самых талантливых людей, которые работают в моей компании. Почему я не могу поддержать тебя?

Его слова звучали так убедительно, что я растерялась. А он продолжал:

— И, если ты откажешься сейчас, уйдёшь, хлопнув дверью, миксер останется у тебя. Потому что он — не условие. Он — просто подарок. За талант. Без обязательств.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Всё внутри кричало: «Беги! Ловушка!». Но другая часть меня, та самая, что любила запах корицы и уютные вечера, тихо шептала: «Он правда старается. Для тебя, представляешь?».

— Ты голоден? — спросила я вдруг, сама не ожидая от себя этого вопроса.

Он улыбнулся. Впервые за всё время — открыто, почти по-мальчишески.

— Зверски. Заказывал еду из ресторана, но один есть не стал. Ждал тебя.

— А если бы я не осталась?

— Тогда бы съел один. С чувством глубокого удовлетворения от хорошо выполненного заказа, — усмехнулся он. — Но без компании. А это грустно.

Я сдалась. Но только на один вечер! Поставила торт на стол, села на предложенный стул и посмотрела на него.

— Хорошо, Арсений. Я остаюсь. Но предупреждаю: я буду язвить, критиковать твой выбор вина и, возможно, съем больше половины торта.

Его глаза зажглись.

— Договорились. Я готов к любым жертвам.

И пока он разливал вино по бокалам, я поймала себя на мысли, что впервые за долгое время мне... спокойно. Рядом с этим мужчиной, который разглядел меня в толпе стройных красоток и зачем-то решил завоевать. Зачем — я пока не понимала. Но узнать хотелось. Очень. И еще больше хотелось верить, что это не жестокая шутка или глупый розыгрыш...

За ужином говорили о чём угодно, только не о работе. Оказалось, он любит джаз и ненавидит оперу. Обожает путешествовать, но ненавидит собирать чемоданы. У него есть старшая сестра в Испании и племянник, которого он балует до безобразия.

— Ты похож на человека, у которого всё под контролем, — заметила я, когда мы дошли до десерта.

— Так и есть, — кивнул он, отрезая себе кусок торта. — Всё, кроме одного.

— Чего?

Он посмотрел на меня поверх свечей, и в его глазах заплясали тени (а может и черти!).

— Тебя. Ты — единственная переменная, которую я не могу просчитать.

Я поперхнулась вином.

— Я... сложная переменная, — выдавила я.

— Я люблю сложные задачи, — просто ответил он и отправил в рот кусок моего торта.

На его лице отразился целый спектр эмоций: удивление, восторг, почти детское счастье.

— Алиса, — выдохнул он. — Это... это гениально. Что внутри?

— Секрет, — улыбнулась я, чувствуя, как от его искренней радости тает где-то в груди лёд.

— Ты — секрет, — поправил он, глядя на меня так, что захотелось провалиться сквозь землю. И одновременно — остаться здесь навсегда.

Вечер только начинался. А я уже понимала: я не просто влипла. Я приклеилась самым суперским суперклеем на земле. Но просто так я не сдамся!

Глава 8.

АЛИСА

Я сидела и смотрела, как Арсений Громов, владелец холдинга, местный царь «Всея Руси», жуёт мой торт с таким выражением лица, будто я только что сварила сам философский камень и подала его на платиновой тарелочке. И это было... чертовски приятно.

— Там вишня? — спросил он, прикрывая глаза. — И мята? И ещё что-то... дымное?

— Каштан, — нехотя призналась я. — Обжаренный.

— Каштан, — повторил он, смакуя слово. — Ты издеваешься? Это же невероятно вкусно.

— Я знаю, — скромно пожав плечами, отрезала я себе кусочек поменьше. — Но ты ешь, не отвлекайся.

Он засмеялся. Вот так — легко, открыто, слегка запрокинув голову. И от этого смеха у меня внутри что-то дрогнуло. Опасный симптом. Надо срочно включать защиту.

— Слушай, а твои фитоняшки из маркетинга знают, что ты по ночам на рояле играешь и торты лопаешь как не в себя? — ляпнула я, чтобы перевести тему. — А то они думают, ты питаешься исключительно амброзией и пылью с крыльев бабочек.

Арсений поперхнулся вином, закашлялся и уставился на меня с неподдельным интересом.

— Фитоняшки из маркетинга?

— Ну Лера, Света... — я небрежно махнула рукой. — И ещё пол офиса. Которые ходят мимо твоего кабинета с таким видом, будто надеются, что ты их заметишь и сразу влюбишься. Они же все как на подбор — ноги от ушей, осиные талии-аномалии и полное отсутствие целлюлита. Мечта, а не женщины.

Он отложил вилку и посмотрел на меня с выражением, которое я не могла расшифровать.

— Ты серьёзно думаешь, что меня это волнует?

— А что, нет? — усмехнулась я. — Ты же мужик. Нормальный. С глазами. С потребностями.

— Алиса, — он подался вперёд, и я инстинктивно отодвинулась. — Я окружён красивыми женщинами с детства. Мама — красавица, сестра — красавица, в институте — сплошные королевы красоты, на работе — то же. Я перестал замечать «красивость» лет в двадцать, когда понял, что за ней чаще всего ничего нет. Пустота. Глянец. И одинаковые скучные мысли.

— Ого, — только и смогла выдохнуть я. — Философия подъехала.

— Реальность, — поправил он. — А ты — другая. Ты пахнешь жизнью. Ты споришь. Ты смотришь на меня так, будто я — надоедливый комар, а не твой начальник. Ты ешь торт с таким удовольствием, что у меня автоматически слюни текут. И ты создаёшь вот ЭТО, — он кивнул на остатки моего шедевра, — руками, которые явно знают, что такое труд.

Я машинально спрятала руки под стол. Мои руки — отдельный комплекс. Вечно в муке, с обкусанными заусенцами, короткими ногтями (потому что длинными неудобно месить тесто). Не те руки, которыми стоит любоваться.

— Не прячь, — тихо сказал он. — Я уже видел. И запомнил.

От его тона по спине побежали мурашки. Совсем не те, что от страха. Те, что от... ожидания.

— Слушай, Громов, — я решила сменить тактику с оборонительной на наступательную. — Ты меня зачем сюда позвал на самом деле? Торт? Серьёзно? У тебя денег куры не клюют, мог заказать у любого топ-кондитера города.

— Мог, — согласился он.

— А позвал меня. Почему? Мы уже взрослые люди, нечего в игры играть.

Он молчал несколько долгих секунд, рассматривая меня так, будто я была той самой переменной, которую он не мог просчитать. Потом встал, подошёл к окну и заговорил, глядя на ночной город.

— Помнишь ту ночь, неделю назад? Я проходил мимо кухни, увидел свет. Ты стояла у стола, месила тесто и напевала что-то себе под нос. На щеке — мука. Волосы растрёпаны. И ты была такой... настоящей. Такой живой. Я стоял и смотрел на тебя, как дурак, минут пять. А потом ушёл, потому что понял: если останусь, не смогу уйти.

Я замерла. Он видел меня тогда? Он стоял и смотрел? И ничего не сказал?

— А через неделю ты ела со мной торт, — продолжил он, поворачиваясь. — И я понял, что больше не могу делать вид, что ты просто сотрудник. Я не привык ходить вокруг да около, уж извини за напор. Ты — всё, чего мне не хватало. Ты — как этот торт. Сложная, многослойная, с сюрпризом внутри. И я хочу узнать тебя. Всю. До последнего слоя.

— Арсений, погоди-погоди... — выдохнула я.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — перебил он, подходя ближе. — «Он богатый и избалованный мужик, привык получать всё, что хочет, это просто игра, ему надоест, я не в его вкусе». Я прав?

Я слегка надула губы и промолчала. Он был прав на сто процентов.

— Так вот, — он остановился в полуметре, не нарушая границу, но заполняя собой всё пространство вокруг. — Я не играю. Мне тридцать три года, я построил бизнес с нуля и в жизни не делал ничего, что не имело бы для меня значения. Ты имеешь значение. И я готов ждать столько, сколько нужно, чтобы ты в это поверила.

— А если я никогда не поверю? — спросила я хрипло.

— Тогда я буду рядом, когда ты будешь готова. Или не будешь. Но знать, что ты есть, — уже счастье.

Я смотрела на него и чувствовала, как моя броня потихоньку трещит по швам. Никто никогда не говорил со мной так. Никто не смотрел так. Никто не хотел меня — просто меня, с моими формами, комплексами, вечно в муке и с сарказмом вместо щита и красивых речей.

— Это всё очень красиво, конечно, — выдавила я, когда смогла говорить. — Но ты не знаешь меня. Ты знаешь только ту, которая печёт торты и рисует макеты. А я ещё и истеричка, и плакса, и могу три дня не мыть голову, и...

— И?

— И я толстая! — выпалила я, чувствуя, как глаза начинает щипать. — Ты привык к моделям. А я... я вон какая. И это не изменится. Я не могу худеть, потому что люблю готовить и есть. Я не могу быть другой. И если ты ждёшь, что я похудею и стану как они — этого не будет.

В комнате повисла тишина. Я слышала, как тихо гудит холодильник на кухне, как тикают часы на стене, как стучит моё сердце где-то в горле.

Арсений сделал шаг. Ещё один. И вдруг опустился передо мной на колени. Прямо на пол своей дорогой гостиной. Взял мои руки в свои и поднёс к губам.

— Алиса, — сказал он, глядя мне в глаза снизу вверх. — Ты самая красивая женщина, которую я видел в своей жизни. Твои формы — это не недостаток. Это совершенство. Это то, за чем я готов идти на край света. Ты пахнешь домом. Ты смеёшься так, что у меня сердце останавливается. Ты споришь так, что я готов спорить с тобой вечно, лишь бы слышать твой голос. И если ты ещё хоть раз скажешь про себя «толстая», я... я не знаю, что сделаю, но это будет громко.

Я смотрела на него — на этого невероятного мужчину, стоящего передо мной на колени, целующего мои неухоженные руки и говорящего такие слова, от которых разрывалось сердце. И не выдержала.

— Ты просто ненормальный, — прошептала я сквозь слёзы, которые предательски потекли по щекам.

— Абсолютно, — согласился он. — Твоими молитвами.

Я всхлипнула и рассмеялась одновременно. Он улыбнулся в ответ, встал, достал из кармана платок (настоящий, тканевый!) и аккуратно промокнул мои слёзы.

— Ну вот, — сказал он. — Мне уже показалась плакса.

— Это исключительный случай, — шмыгнула я носом. — Больше не повторится.

— Жаль, — вздохнул он. — Тебе идёт.

— Идиот.

— Дурак, — согласился он. — Очарованный тобой.

Я замерла. Он сказал это так естественно, будто мы уже сто лет вместе. Ну просто какая-то мыльная опера, честно слово.

— Арсений...

— Всё-всё, — он поднял руки. — Не давяю. Просто констатирую факт. Хочешь ещё вина? Или чай? У меня есть какой-то невероятный травяной сбор, сестра присылает из Испании.

— Чай, пожалуйста, — выдохнула я, радуясь возможности прийти в себя.

Пока он возился на кухне, я сидела за столом, смотрела на свечи, на остатки своего торта и пыталась осознать, что только что произошло. Арсений Громов стоял передо мной на коленях. Целовал мои руки. Говорил, что я красивая. Сказал, что я «очаровала его».

Я, Алиса Смирнова, пышка с комплексом и любовью к сладкому. Курам на смех, ребятки.

— Травяной с медом? — крикнул он из кухни.

— Ага, было бы прекрасно, — отозвалась я.

И вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь. Широко, глупо, счастливо.

— Пухлик бы тебя одобрил, — пробормотала я себе под нос.

— Что? — переспросил Арсений, появляясь с двумя дымящимися кружками.

— Ничего, — я взяла чай и спрятала улыбку за кружкой. — Просто думаю, что делать с ненормальным начальником, который встаёт на колени перед рядовым кондитером-дизайнером.

— Жить, — просто сказал он, садясь напротив. — Просто жить и привыкать. У нас впереди много времени.

Я сделала глоток. Чай был божественным. Как и весь этот вечер. Как и он сам. И все это казалось просто больной фантазией, несбыточным сном.

«Ох, Алиса, — вздохнул внутренний голос. — Ты пропала. Чую, насовсем».

Но в этот раз я не стала его слушать.

Глава 9.1.

АЛИСА

Я вышла из его шикарного дома только в час ночи. Кому расскажешь – не поверят.

Арсений вызывал такси, пытался впихнуть мне в машину остатки торта («Ты должна забрать это домой! Это же твой шедевр!»), пакет с какими-то испанскими сладостями от сестры и букет, который вдруг откуда-то материализовался. Я отбивалась, как могла, но в итоге уехала с тортом, сладостями и букетом пионов, которые он, оказывается, заказал заранее. «На всякий случай», — прокомментировал этот галантный псих. Что вообще происходит...

Всю дорогу домой я сидела в такси и глупо улыбалась. Водитель косился в зеркало заднего вида с подозрением, но я делала вид, что так и надо. Пусть думает, что я выиграла в лотерею. Хотя... возможно, так и было. Только лотерея называлась «Сумасшедший миллиардер с комплексом спасателя пышек».

Дома меня встретил Пухлик. Он сидел в прихожей, как статуя, и смотрел на меня с выражением «Где шлялась, женщина? Выкладывай «от» и «до».

— Пухлик, — я рухнула перед ним на колени, обняла пушистую тушку. — Пухлик, кажется, я вляпалась. Прямо так основательно, представляешь?

Пухлик фыркнул, вывернулся и пошёл на кухню проверять миску. Его больше волновало наличие корма, чем мои любовные драмы. Человек, который держит кота, всегда знает, кто в доме настоящий хозяин.

Я поставила пионы в вазу, убрала торт в холодильник (Пухлик тут же запрыгнул на стул и устоял на дверцу с надеждой), разложила испанские сладости на столе. И вдруг поняла, что не хочу спать. Во мне бурлила энергия, смешанная с адреналином и чем-то ещё, очень похожим на счастье.

Телефон пиликнул. Сообщение от Арсения:

«Доехала? Все в порядке?»

Я закусила губу. Точно, меня же буквально вынудили обменяться личными номерами. Писать? Не писать? Слишком быстро? Слишком медленно? Правила этикета для свиданий с боссами я не изучала, мой прокол, признаюсь.

«Да. Спасибо за вечер» — отправила я. Нейтрально, вежливо, без каких-либо намёков.

Он ответил через минуту:

«Это тебе спасибо. За торт, за разговор, за то, что ты есть. Сладких снов, Алиса»

Сладких снов? После такого вечера? Да ты смеешься, Громов! Издевательство в чистом виде, ну!

Я не спала до трёх, перебирая в голове каждую минуту наедине с ним. Как он смотрел, как говорил, как опустил на колено. От последнего воспоминания бросало в жар. Никто никогда не стоял передо мной на коленях. Даже бывший, когда клялся в любви, сидел на диване и чесал пузо. Фу, даже вспоминать жутко.

— Так, спокойно, Алиса, — приказала я себе вслух. Пухлик, спящий в ногах, дёрнул ухом. — Это только начало. Он же еще может передумать. Может, утром протрезвеет и вспомнит, что у него Леры-Светы в офисе. А ты просто... торт.

Но утром, проснувшись от того, что Пухлик топтался по мне, требуя завтрак, я первым делом схватила телефон.

Новое сообщение. От него. Отправлено в 8:15.

«Доброе утро. Как спалось? Надеюсь, Пухлик не ревновал к пионам»

Я застыла с телефоном в руке. Пухлик? Откуда он знает про Пухлика? Я не говорила ему про кота!

«Откуда ты знаешь про кота???» — напечатала я, забыв про всякую осторожность.

Ответ пришёл мгновенно:

«Ты вчера бормотала что-то про «Пухлик бы тебя одобрил». Я решил, что это кот. Если это не кот — прости за вмешательство в личную жизнь»

Я рассмеялась. Он запомнил. Он услышал моё бормотание про кота и запомнил. Господи, как мило.

«Это кот. Его Высочество Пухлик. Он сейчас сидит на мне и требует завтрак. Пионы успешно проигнорировал»

«Правильный кот. Я тоже тебя требую. В смысле... твоё внимание. Чёрт. Завтрак?»

Я хохотала в голос. Пухлик смотрел на меня как на сумасшедшую. Арсений Громов, властный босс, путается в словах и пишет мне эсэмэски с утра пораньше. Мир перевернулся.

«Завтрак — да. Но сегодня воскресенье, у меня планы»

«Какие?»

Я задумалась. Планов действительно было много. Доделать макет для клиента, испечь пробную партию эклеров для нового заказа, помыть голову в конце концов.

«Обычные воскресные дела. Стирка, уборка, эклеры»

«Эклеры? Ты будешь печь эклеры? Можно я приеду?»

Я подавилась воздухом.

«Ты? Ко мне домой? С ума сошёл?»

«А что такого? Я обещал не давить, но попробовать эклеры — это святое. Приеду с кофе. Ты же пьёшь кофе? Или ты только чай? Надо запомнить»

Я смотрела в экран и не верила своим глазам. Он предлагает приехать ко мне. В мою маленькую квартирку, заваленную кондитерскими штучками и скетчами по работе, ну и кошачьей шерстью. С кофе. Пробовать эклеры. С ума сойти.

«Арсений, у меня тут... ну, не дворец. И Пухлик линяет. И вообще...»

«Алиса. Я вчера стоял перед тобой на коленях. Думаешь, меня волнуют масштабы твоего жилья и количество кошачьей шерсти? Диктуй адрес. Буду через час»

Глава 9.2.

АЛИСА

Я смиренно продиктовала. Потому что спорить с ним было бесполезно. Потому что внутри всё пело от мысли, что он хочет приехать. Потому что эклеры действительно нужно было кому-то скормить, ведь мама на отдыхе с подругами, а Пухлик сладкое не ест.

Час. У меня час, чтобы превратить бабскую берлогу в подобие человеческого жилья.

— Пухлик! — заорала я, вскакивая. — У нас чрезвычайное положение! Гости!

Пухлик лениво сполз с кровати и направился к миске, демонстрируя полное пренебрежение к моей панике. Ну, хоть что-то остается неизменным.

Следующие пятьдесят минут я носилась по квартире как угорелая: закинула в стирку вчерашнюю одежду, протёрла пыль, сгребла разбросанные скетчбуки в стопку, подмела муку с пола (ну откуда ж её столько?!), попыталась причесать Пухлика, за что была исцарапана и послана куда подальше.

В зеркало смотреть было страшно. Волосы — гнездо, глаза — с припухлостями, на щеке — подушка отпечаталась. Я кое-как умылась, натянула чистое, но домашнее — джинсы и свободную футболку с забавным принтом «Замесила тесто — замесила всех». Идеально.

Когда в дверь позвонили ровно через час, я стояла посреди кухни, пытаюсь отодрать Пухлика от стола, куда он нагло запрыгнул и устоял на двери с выражением «Ну, посмотрим, что за фрукт. Отворяй ворота, мать».

— Открыто! — крикнула я, потому что бежать через всю квартиру было лень, да и запыхалась бы еще.

Дверь открылась, и в прихожую шагнул Арсений. В джинсах, светлом свитере, с двумя стаканами кофе в картонном подстаканнике и пакетом круассанов из лучшей пекарни города. Он огляделся, заметил Пухлика на столе, меня в футболке с принтом и улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня уже подкашивались колени. Все слишком быстро, где кнопка «при-тормозить»?

— Привет, — сказал он. — Я пришёл. С кофе и без предрассудков.

Пухлик спрыгнул со стола, подошёл к нему, обнюхал штанину и.. потёрся о ногу. Предатель ты шерстяной! Кот, который обычно неделю привыкает к новым людям, потёрся о ногу Громова через пять секунд! Я в шоке, все в шоке!

— Пухлик одобряет, — констатировал Арсений, ставя кофе на стол и наклоняясь погладить кота. — Я же говорил.

— Он просто хочет круассан, — буркнула я, чувствуя, как горят щёки.

— Я тоже хочу круассан, — Арсений выпрямился и посмотрел на меня. — Но сначала я хочу посмотреть на тебя. Без свечей, без вечернего платья, просто так.

— Я точно не в вечернем платье, — напомнила я.

— Я заметил, — он окинул меня взглядом, и в его глазах зажглись чёртики. — «Замесила тесто — замесила всех». Как забавно. Это твой девиз?

— Это правда жизни, — фыркнула я, забирая свой кофе. — Садись. Эклеры уже почти готовы. Им нужно только немного остыть.

Он сел за мой старый кухонный стол, за которым я обычно рисовала, ела и мечтала. Оглядел разбросанные скетчбуки (черт возьми, все ведь убирала!), заметил мои наброски нового дизайна, остановил взгляд на фотографии мамы и меня на море.

— Это твоя мама? — спросил он. — Красивая женщина.

— Да. Она у меня деловая дама-мадама. Сейчас на выходных с подругами. Вернётся завтра вечером.

— Познакомишь?

Я поперхнулась кофе.

— Ты с ума сошёл? Мы знакомы... сколько? Дай бог, неделю? Не слишком ли ты торопишь коней?

— Я знаю тебя дольше, — спокойно сказал он. — Я наблюдал за тобой месяц до того, как заговорил. Но ты права, пока может быть рано. Просто интересно, откуда в тебе столько... тепла.

Я отвернулась к плите, чтобы скрыть смущение. Эклеры подрумянились идеально. Я достала противень, и по кухне поплыл божественный аромат заварного теста.

— Садись сюда, — скомандовала я, выкладывая эклеры на тарелку. — Будешь пробовать первым.

Он попробовал. Потом ещё один. Потом третий, с закрытыми глазами. Как-то затянулась у него проба.

— Алиса, — выдохнул он, — выходи за меня.

— Ч-чего? — я замерла с эклером в руке и открытым ртом.

— Шучу, — улыбнулся он. — Но, если ты будешь кормить меня так каждое утро, я согласен на кабалу. Правда, в зал придется ходить чаще, но это мелочи.

Я засмеялась и кинула в него салфеткой. Пухлик, учуявший сладкое, прыгнул Арсению на колени и уставился на эклеры голодными глазами.

— Не давай ему, — предупредила я. — Ему нельзя сладкое. Он у меня и так уже как колобок, скоро и глазюлек видно не будет.

— Пухлик, — торжественно обратился к коту Арсений, — мы с тобой в одной лодке. Нас объединяет страсть к этой женщине и её стряпне. Будем дружить, мой друг.

Пухлик мявкнул.

Что он несет... Мне все еще все это кажется сплошным сюрреализмом. Я смотрела на эту картину — мой кот на коленях у моего босса, который только что признался ему в страсти ко мне, предложил дружить, и чувствовала, как внутри разрастается что-то тёплое, пушистое и совершенно неконтролируемое. Караул, мы терпим поражение!

— Арсений, — позвала я тихо.

— М? — он поднял на меня глаза, продолжая гладить кота.

— Ты правда такой или притворяешься?

— Какой?

— Такой... идеальный. Который всё понимает, всё чувствует, говорит правильные слова. Так же не бывает. Чую, есть подвох.

Он помолчал, глядя на меня. Потом отсадил Пухлика (кот возмущённо фыркнул) и подошёл ко мне. Взял моё лицо в ладони.

— Я далеко не идеальный, Алиса. Я злюсь, когда меня не слушают. Я могу быть жёстким на работе до жестокости. Я требую от людей максимум и не прощаю ошибок. У меня есть недостатки, о которых ты узнаешь позже и, возможно, захочешь сбежать. Но есть одно, что ты должна знать: когда я говорю, что ты для меня важна — это правда. Без дураков. Без игр. Такое я не люблю. Жизнь слишком коротка для того, что не имеет значения.

Я смотрела в его глаза — серьёзные, честные, без намёка на ту самую усмешку. И верила. Чёрт возьми, я верила каждому слову.

— Хорошо, — выдохнула я. — Я попробую. Просто... дай мне время.

— Время, — повторил он, улыбаясь. — У нас его много. Я же сказал: я умею ждать.

И в этот момент Пухлик, обиженный, что его бросили, цапнул Арсения за штанину.

— Ай! — воскликнул он. — Друг, ты чего это? Какой гнусный прием.

— Ревнует, — хихикнула я. — Добро пожаловать в мою жизнь, Громов. Здесь кусаются и царапаются.

Он засмеялся, потрепал Пухлика по голове и посмотрел на меня с таким теплом, что у меня защемило сердце.

— Я готов, — сказал он. — К любым укусам и царапинам.

И я почему-то ему поверила. Так и быть, пусть попробует ужиться с нами.

Глава 10.

АЛИСА

Знаете, есть такой особый вид интимности — когда мужчина сидит на вашей кухне, пьёт кофе из вашей любимой кружки (той самой, с отбитой ручкой, потому что выбросить жалко), а ваш кот дрыхнет у него на коленях, пуская слюни на джинсы за тысячу долларов.

Я смотрела на эту идиллию и пыталась понять, сплю я или это реальность.

— О чём задумалась? — спросил Арсений, откусывая очередной эклер. Он умял уже пять штук, и я начала подозревать, что у него где-то есть отдельный желудок для сладкого.

— О том, что моя мама никогда не поверит, если я ей расскажу, — честно призналась я. — Скажет, что я перегрелась на солнце.

— А ты не рассказывай, — пожал он плечами. — Покажи. Я сам приду знакомиться.

— Арсений!

— Что? — он сделал невинные глаза. — Я серьёзно. Хочу знать всё о тебе. Твою маму, твоих друзей, твои привычки. Что ты смотришь по вечерам, какую музыку слушаешь, о чём мечтаешь, когда смотришь в окно.

— А ты всегда такой... дотошный?

— Только когда мне кто-то действительно важен, — просто ответил он.

Я отвернулась к плите, делая вид, что проверяю что-то в духовке. Потому что если бы он увидел мои глаза в этот момент, то понял бы, что я таю. Таю, как шоколадка на солнце.

— Ладно, — сказала я, беря себя в руки. — Раз уж ты здесь и напросился на эклеры, будешь помогать.

— Помогать? — он поднял бровь. — Я?

— А что, босс не может мыть посуду? Или у тебя руки из другого места растут?

Он рассмеялся, встал, аккуратно переложил Пухлика на стул (кот возмущённо мяукнул, но не ушёл) и подошёл к раковине.

— Показывай, что делать. Но предупреждаю: в последний раз я мыл посуду лет десять назад, в студенчестве.

— Ого, — присвистнула я. — Так ты у нас аристократ? Совсем руками не работаешь?

— Работаю. Но другими руками, — он закатал рукава свитера, и я невольно засмотрелась на его предплечья. Чёрт, даже предплечья у него были идеальными. — Бумажными. Клавиатурными. И иногда — на рояле.

— Ладно, — я сунула ему губку. — Мой. А я буду делать новый крем.

И мы занялись делом. Он мыл, я взбивала. Пухлик лениво наблюдал. За окном светило солнце. Играла какая-то тихая музыка из моего плейлиста. И было так... обычно. Так правильно.

— Слушай, — нарушил тишину Арсений, — а почему у тебя кружка с отбитой ручкой? Ты же можешь купить новую.

— Это мамин подарок, — объяснила я. — Она привезла её из Праги лет десять назад. Ручка отбилась, когда я уронила. Но я не могу её выбросить. Она же с историей.

— Ты и правда другая, — тихо сказал он.

— В смысле?

— Большинство людей вокруг меня меняют вещи, как только они теряют товарный вид. Новый телефон, новая машина, новая... ну, ты поняла. А ты хранишь старые кружки с отбитыми ручками. Это... трогательно.

— Это глупо, — поправила я.

— Это человечно, — возразил он.

Я посмотрела на него. Он стоял у раковины, в мыльной пене по локоть, смотрел на меня и улыбался. И в этой улыбке не было ни капли снисходительности. Только тепло.

— Ты странный, Громов, — сказала я.

— Знаю, — кивнул он. — И мне это нравится.

К вечеру я устала так, будто разгрузила вагон с мукой. Мы испекли три партии эклеров (он научился отсаживать тесто! почти аккуратно!), перепачкали всю кухню в креме, перессорились по поводу того, какой крем лучше (он настаивал на шоколадном, я — на ванильном), и в итоге съели половину того, что приготовили.

Пухлик был в раю: он сидел между нами и ловил кусочки, которые мы ему тайком кидали, делая вид, что не замечаем.

— Мне пора, — сказал Арсений, когда часы показали девять вечера.

— Да, конечно, — я встала, чувствуя странную пустоту внутри. — Спасибо за... помощь.

— Это тебе спасибо, — он надел куртку, подошёл ко мне. — За лучший день за последние... даже не помню сколько лет.

— Ты преувеличиваешь.

— Ни капли.

Он стоял так близко, что я чувствовала запах его парфюма, смешанный с запахом ванили и шоколада. И вдруг он наклонился и поцеловал меня в щёку. Легко, невесомо, едва касаясь.

— До завтра, Алиса, — прошептал он. — Увидимся в офисе.

И ушёл, оставив меня стоять посреди прихожей с пылающим лицом и бешено колотящимся сердцем.

— Пухлик, — позвала я, когда дверь закрылась. — Пухлик, он меня в щёку поцеловал. В щёку! Как подросток!

Пухлик, досыта наевшийся эклерами, лежал на диване пузом кверху и даже ухом не повёл.

Я рухнула рядом с ним, уставилась в потолок и улыбнулась так, что щёки заболели.

Утром понедельника я пришла на работу пораньше. Во-первых, чтобы избежать встречи с Лерой и Светой в лифте. Во-вторых, чтобы успеть разобрать почту до летучки.

Но стоило мне войти в офис, как я поняла: что-то не так. На меня смотрели. Все. Сотрудники, которые обычно не замечали моего существования, вдруг провожали взглядами. Шушукались за спиной.

Я прошла на своё место, стараясь не обращать внимания. Села за компьютер. И тут увидела это.

На моём столе стояла ваза. С пионами. Точно такими же, как те, что он подарил в субботу. А рядом — коробка. Маленькая, бархатная.

Я открыла коробку дрожащими руками. Внутри лежала брошь — серебряная, в виде маленького эклера. С крошечной капелькой «крема» из янтаря. И записка:

«Чтобы ты помнила: даже в офисе ты — мой самый желанный десерт. Со всей искренностью, твой ненормальный босс»

Я зажала рот рукой, чтобы не заорать. Это было так мило, так неожиданно и так... публично. Он что, хочет, чтобы меня съели коллеги? Они же теперь не отстанут!

— Ой, Алиса, какие красивые цветы! — пропела Лера, проходя мимо. Её взгляд, устремлённый на пионы, мог бы прожечь дыру в стене. — От поклонника?

— От заказчика, — соврала я, пряча брошь в карман. — Благодарность за торт.

— А-а-а, — протянула она с явным облегчением. — Ну да, ты же у нас кондитер на полставки.

И ушла, покачивая бёдрами. Я выдохнула.

Телефон пикинул.

«Видела? Тебе идёт эклер на груди. Хотя без него тоже неплохо»

— Арсений! — прошипела я в телефон. — Ты с ума сошёл? Меня же коллеги съедят!
«Пусть попробуют. Я первый успел»

— Балбес ты.

«Может быть, но только рядом с тобой»

Я убрала телефон, спрятала брошь поглубже в карман и попыталась сосредоточиться на работе. Но перед глазами стояли пионы, его улыбка и тот лёгкий поцелуй в щёку.

— Алиса, к начальству, — позвала секретарь.

Я вздрогнула. К начальству? Это к нему? Сейчас?

— Иду, — выдохнула я, поправляя блузку.

Вошла в приёмную. Ирина кивнула на дверь. Я открыла.

Он сидел за столом, строгий, в идеальном костюме, с непроницаемым лицом. Начальник, босс, царь нашей Родины-матушки.

— Садитесь, Алиса, — сказал официально. — Есть разговор.

Я села, чувствуя подвох.

Он подождал, пока закроется дверь. Посмотрел на меня. И вдруг улыбнулся — той самой тёплой, домашней улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.